

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-88-99

© Д. М. Буланин

К ИСТОРИИ КНИЖНОГО ОБМЕНА НОВГОРОДА И ЛИТОВСКОЙ РУСИ В КОНЦЕ XV ВЕКА («БИБЛИОТЕКА ЕРЕТИКОВ»)*

Кто только не писал о новгородско-московской ереси конца XV века, заклеяемой ее гонителями как ересь «жидовская мудрствующих»! А из числа писавших кто только не высказывался по поводу одного из малочисленных известий, причем, на первый взгляд, самого объективного, очерчивающего круг интересов вольнодумцев! Имею в виду перечень книг, которые «у еретиков все есть» и которые называет Новгородский архиепископ Геннадий в послании Иоасафу, бывшему архиепископу Ростовскому (1489). В свое время А. И. Соболевский категорично заявил: «Вопрос о сущности ереси жидовствующих, при скудости наличных данных, должен считаться неразрешимым».¹ Хотя слова ученого до сих пор остаются в силе, автор этих строк осмелился вернуться к интерпретации пресловутого перечня, не забывая о том, что над ним ломали голову знаменитые предшественники. Храбрости мне придает впервые замеченная мной важная деталь по одному из пунктов перечня, а отчасти введенная в научный оборот серия новонайденных памятников письменности, которые ассоциируются историками с подрывной деятельностью еретиков или, наоборот, с отпором, который они получили со стороны блюстителей русского православия. Не остались незамеченными и книги, упоминаемые Геннадием. Разумеется, совокупность высказываемых дальше суждений не претендует на большее достоинство, чем гипотеза, однако же, хочу надеяться, она предполагает меньше не подтвержденных фактами допущений, чем доселе конструировавшиеся в связи с перечнем теории. Вот сам отрывок из Послания Геннадия по единственному его списку (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 730, л. 253), где номера книг проставлены на поле писцом: «Да есть ли у вас в Кирилове, или в Фарофонтове, или на Каменном книги (1) Селивестр папа Римский, да (2) Афанасей Александрийский, да (3) Слово Козмы прозвитера на новоявльшуюся ересь на богумилю, да (4) Послание Фотея патриарха ко князю Борису Болгарскому, да (5) Пророчества, да (6) Бытия, да (7) Царства, да (8) Притчи, да (9) Менандр, да (10) Исус Сирахов, да (11) Логика, да (12) Деонисей Ареопагит²? Зане же те книги у еретиков все есть».

Начнем с обещанного указания на важную деталь. Она касается № 4 — Послания Константинопольского патриарха Фотия. Послание, обращенное к Болгарскому князю Борису, только что принявшему крещение с именем Михаила и крестившему своих подданных, датируют 865 годом. Перевод на славянский язык этого важнейшего для истории Болгарии источника сохранился только в восточнославянских списках не ранее XVI века. Перевод получил широкое распространение в рукописях и неоднократно публиковался. Еще недавно шла оживленная дискуссия между славистами о происхождении перевода: кто-то доказывал, что Послание переведено в России, в то время как другие относили его к эпохе, не слишком далеко отстоящей от 865 года, а третьи при-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект РНФ № 20-18-00171.

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. С. 396.

² Испр., в рукописи: Ареопагит.

числяли к среднеболгарским памятникам XIV века.³ На сегодняшний день спор исчерпал себя, ибо обнаружено ясное указание, когда и кто этот перевод осуществил. След его отыскан в списке Кормчей Вассиана Патрикеева из Владимиро-Суздальского музея-заповедника, № 5636/399. Список отражает поздний этап работы составителя над памятником, к созданию его приложил руку и Максим Грек. Этап этот не был завершен из-за репрессий, обрушившихся в 1525 году на последнего, а через несколько лет и на Вассиана. Такими печальными событиями обозначается *terminus ante quem* для тех новаций, которые отличают Кормчую Вассиана. К числу их относится и глава 34-я в указанном списке, содержание которой, как видно, находилось в процессе обсуждения, и она в итоге осталась незаконченной. Главу предполагалось отнести переводным «княжеским зеркалам», среди которых свое место должно было занять и Послание Фотия. Сам перевод Послания в Кормчей не воспроизводится, но к нему дана недвусмысленная отсылка: «...ища обрящещи в новой книзе Максимова перевода» (л. 631).

Вывод ясен: дошедший до нас перевод выполнен Максимом Греком. Как же согласовать приведенное в Кормчей указание с тем фактом, что архиепископ Геннадий упоминает Послание Фотия в своем тексте, написанном без малого за тридцать лет до приезда в Россию ученого старца? Присмотримся к заголовку и начальным строкам памятника в переводе Максима Грека: «Фотиа, патриарха Константина града, послание учителное о седмех соборех, и о православней вере, и какову подобает быти князю. Пресветлейшему, и обозрительному, и възлюбленному духовному нашему сыну Михаилу, от Бога князю Болгарскому, радоватися». И в оригинале, и в переводе Фотий обращается к адресату, называя его христианским именем. Что касается перечня книг, составленного Геннадием, там произведение фигурирует как Послание князю Борису, т. е. предпочтение отдано имени, которое правитель носил до крещения. Конечно, дотошный древнерусский книжник, при некоторых усилиях, установил бы, что под именами Борис и Михаил разумеется одно и то же лицо. Для этого ему достаточно было прочитать Житие Стефана Пермского или даже запись Тудора Доксова к переводу, значащемуся в цитированной сводке Геннадия под № 2. Но кажется малоправдоподобным, чтобы, составляя свой перечень, архиепископ занимался какими-то специальными историческими разысканиями. Ясно, что он ориентировался на те имена и те ключевые слова, которые стояли в заголовке книг и произведений. Следовательно, имя Бориса присутствовало в том самом переводе, о котором пишет Геннадий, откуда с непреложностью следует, что это был другой перевод — по-видимому до нас недошедший и отличный от принадлежащего Максиму Греку.

Самый контекст, в котором мы встречаем перевод афонского старца в старших его списках, с одной стороны, и в который попало Послание Борису в перечне Геннадия, с другой стороны, служит подспорьем для расподобления двух текстов. Фотий предусмотрел для своего Послания двойную функцию. Первая — катехизация адресата, для чего до половины текста отведено подробному рассказу о семи вселенских соборах и их борьбе с еретическими движениями. Вторая, панегирическая, ориентирована на византийские «княжеские зеркала». В качестве «княжеского зеркала» отобрал и перевел Послание Максим Грек для Кормчей Вассиана. В таком же качестве, вскоре после осуждения переводчика, его труд, образовав тематический блок с некоторыми другими текстами в жанре «княжеского зеркала» из незавершенной главы 34-й, стал переписываться в сборниках Волоколамского монастыря.⁴ Какая же функция Послания побудила Геннадия включить утраченный перевод памятника в свой перечень? Забегая вперед, скажу, что Новгородского архиепископа привлекла в писании Фотия первая — церковно-историческая тема. Это явствует из содержания текстов, идущих

³ Списки Послания, ссылки на его издания, посвященную ему научную литературу и публикацию текста см.: *Славова Т.* Славянскит превод на посланието на патриарх Фотий до княз Борис-Михаил. София, 2013.

⁴ *Буланин Д. М.* К интерпретации символов Московского царства (Александр Македонский как идеал правителя) // «Комплексный подход в изучении Древней Руси»: Материалы X Международной научной конференции. М., 2019. С. 38–39.

в перечне Геннадия под остальными номерами, а также из той общей цели, которую ставил перед собой архиепископ, обращаясь к Иоасафу Ростовскому. К обсуждению таких непростых вопросов мы и обратимся.

Обсуждение, ввиду ограниченности объема статьи, придется представить в виде тезисов, с надеждой, что со временем появится возможность подробно остановиться на каждом из них. Первым тезисом, от которого зависит убедительность прочих, должна стать констатация того, что пейоративное прозвище «жидовствующие», издавна смущавшее писавших о ереси и до сих пор не утратившее своей магической силы, не имеет прямого отношения к еврейству ни в каких его видах. Оно не связано с этническим фактором и не касается еврейского языка, к которому на Руси относились с должным почтением как к священному. Даже с подлинной иудейской религией, о которой на Руси имели весьма смутные представления, оно прямо не соприкасается.⁵ Правильным определением феномена будет примерно следующее: «жидовская мудрствующие» — это группа православных, которую Геннадий и его единомышленники заподозрили в религиозном вольнодумстве. Признаки вольнодумства, набор которых вообще довольно стандартный для большинства еретических течений средневековья (непризнание воплощения Спасителя и догмата о Троице, отрицание христианских таинств и обрядов, надругательство над иконами и другими священными предметами, отвержение иноческого пострига, те изменения в переводах библейских книг, в особенности Псалтири, которые затушевывали их прообразовательный смысл, и др.), Геннадий оценил как улики того, что вольнодумцы подпали под влияние иудейской религии. Руси никогда прежде не доводилось участвовать в религиозной полемике, познания русских книжников о царящем в мире многообразии конфессий были исключительно книжным происхождением. Еретиками считались не только веротступники, но и представители любой неправославной религии. Поэтому список прегрешений «жидовствующих» против догматики и обрядов православной церкви перекликается с обвинениями иконоборцев и даже с разномастными каталогами «латинских вин». Кстати, иконоборцев и католиков тоже клеймили за «жидовство», а один недоброжелатель обижал насельников самой обители Иосифа Волоцкого, говоря, что они «не осифовляны, но жидовляны». Инвективы Геннадия и Иосифа Волоцкого обращены не против реальных еретиков (если таковые существовали), а против врагов, какими их рисовало воображение обличителей. Понятно, что опирающиеся на инвективы реконструкции, будь то отождествление еретиков с гуманистами или признание их орудиями «иудейского заговора», воссоздают в разных вариантах иллюзорных злодеев, имеющих мало общего с реальными историческими лицами, на которых навесили ярлык еретиков.⁶ Сами они вообще могли быть чисты перед церковью, в чем, вспоминая о расправах 1504 года, еще в середине XVI века не сомневался Артемий Троицкий: «Сожгли Курицына да Рукавого и нынеча того не ведают, про что их сожгли».⁷

По мере того, как антиеретическая кампания набирала силы, рождалась и обрстала подробностями легенда о начале ереси и о диссеминации ее тлетворного влияния в Новгороде, а потом в Москве. Предание оперировало стереотипами, закрепленными в христианской традиции за рассказами об очередных прозябших в православном мире плевелах: объявляется имя ересиарха, указываются его эмиссары, уточняется, откуда они проникли в богохранимое государство, какова была площадка для распространения лжеучения, и др. Как известно, окончательную форму легенда обрела под пером Иосифа Волоцкого в его «Просветителе». Здесь впервые назван «жидовин» Сха-

⁵ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 75–203.

⁶ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин, дьяк Федор Курицын. Л., 1988; Taube M. The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers. Is There a Connection? // *Speculum Slaviae Orientalis*. Moscow, 2005. P. 185–208.

⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 252.

рия, который явился в Новгород в свите Киевского князя Михаила Олельковича и которого публицист представляет как «диаволов съсуд, и изучен всякому злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же и астрологи». До недавнего времени личность Схарии почиталась вымышленной. Однако в работах М. Таубе представлены довольно убедительные доказательства того, что прототипом Схарии послужил подвизавшийся в Киеве ученый еврей Захария бен Аарон га-Коген. Сохранился ряд рукописей, частично им переписанных, частично снабженных его объяснениями. По косвенным признакам Таубе и его последователи связывают с трудами Захарии и действовавшей при нем «переводческой школы», в которую входили не только иудеи, но и православные христиане, целую серию переводов с еврейского. Отдельные из переводов проникли позднее в Московское государство и даже активно переписывались благочестивыми книжниками, другие не вышли за границы Литвы. Получается, что под «культурным слоем» предания, как это нередко случается, лежат разрозненные и переосмысленные, но исторически достоверные реалии. Отсюда не следует, что и вся легенда о генезисе «жидовствующих» заслуживает доверия. Не устранено базовое противоречие между догматическими и обрядовыми прегрешениями, найденными во взглядах еретиков Геннадием и Иосифом Волоцким, и, с другой стороны, сделанными в «школе» Захарии переводами, по большей части далекими от болезненных для православной церкви тем. Вообще, каким бы ни был смутьяном Захария, в каких бы эзотерических науках он ни упражнялся, в своих книгах он не посягал на основоположения христианской религии. Те, кто в Литве действительно переводили тогда и правили отдельные книги Ветхого Завета, тоже не ставили целью ревизовать анагогическое их прочтение христианами. А если предположить, что кто-то вынашивал такие помыслы, его достижения остались за границами Руси. Переводчики Литвы и обличители руководствовались разными культурными кодами и говорили на разных культурных языках. Вывод о том, что обличители ереси боролись с плодами собственного воображения, остается в силе.

Сказанное не отменяет значимости библиографических разысканий, в том числе о переводах с еврейского, локализуемых в Киеве или других городах Литовского княжества. Они значимы и для истории письменности соседнего Русского государства. Пускай ересь была фикцией, для нас проясняется направление одного из путей миграции книжных памятников на Русь, хотя эти памятники, за редким исключением, суть не подвергшиеся изменениям старые переводы с греческого. Важный путь, считаю я, лежал в конце XV века в направлении от Литовского княжества к Новгороду, быть может, при посредническом участии Пскова. Эпицентр заразы, который оказался одновременно хранителем или временным пристанищем для книжных богатств, вызвавших живой интерес Новгородского владыки, обличители отыскивали за кордоном. Перечень книг, которые «у еретиков все есть», может служить путеводителем к репертуару литературы, пришедшей на Русь по литовскому маршруту и связанной с конфронтацией охранителей и «жидовствующих». Однако, чтобы он послужил пользе дела, этот источник следует понимать как систему со своей внутренней логикой. Помимо прочего, финальной наградой за системный подход может стать дополнительная информация относительно потерянного перевода Фотия. Но сначала предстоит избавиться от прижившихся в историографии заблуждений, которые касаются общей идеи, связующей составляющие перечня, и которые обусловлены все тем же туманом, плотно окутывающим ересь «жидовствующих». По поводу того, с какой целью Геннадий включил его в Послание, мнения разделились: предупреждал ли он своего корреспондента о книгах, какими вооружились еретики против православных, или, наоборот, обсуждал, каким идеологическим арсеналом следует запастись для отпора этим еретикам? Если разуместь под еретиками «чернокнижника» Захарию и завербованных им «злоумышленников» (в Литве, Пскове или еще где-то), трудно представить, как они могли воспользоваться, допустим, включенными в перечень сочинениями Афанасия Александрийского или Дионисия Ареопагита. Если брать фантомных врагов, с которыми сражался архиепископ, надобность для них в подобных сочинениях еще менее понятна. Стало быть, перечисленные книги рассматривались как антидот против ере-

тической пропаганды, каким надлежит обзавестись всем охранителям. Следующая альтернатива: поднимал ли автор Послания вопрос о книгах для того, чтобы получить их в свое распоряжение или, наоборот, чтобы обеспечить ими своих потенциальных союзников, подвизавшихся в дальних монастырях? Поскольку существует несколько случаев целенаправленной отправки сотрудниками Геннадия в такие монастыри рукописей, соответствующих названиям перечня, и ни одного примера изъятия их из монастырей, отдаем предпочтение второму варианту.⁸

Более проблематично найти ответ, почему вообще архиепископ заинтересовался книжными ресурсами своих противников, если интересы последних не распространялись на ортодоксальную литературу. На мой взгляд, объяснение кроется в том, что эти ресурсы отсутствовали в Новгородском архиерейском доме, а владевшие ими, а скорее — лишь имевшие к ним доступ распорядители иудейско-христианской «переводческой школы», они же воображаемые инспираторы «жидовствующих», находились вне пределов досягаемости владыки, в Литве. Набор названий из перечня не вяжется с предполагаемой сферой занятий «чернокнижников», зато он соответствует профилю монастырской библиотеки. Монастырь с такой библиотекой нужно искать за рубежом, в Киеве или в другом центре книжности, который бы находился под юрисдикцией отделившейся от Москвы западнорусской митрополии. Многоконфессиональная среда благоприятствовала там контактам православных с адептами других религий, не исключено было и взаимодействие с иудеями. Геннадий, по-видимому, спешил поделиться с Иоасафом и другими сочувствующими ему иерархами новостью о книжных редкостях, добытых им из дальних краев или взятых оттуда на подержание. Он готов был снять с полученных редкостей копии. Важно понимать, что добыча архиепископа попала к нему в руки *in corpore*, а если и несколькими партиями, то из одного внешнего источника или от одного комплектователя. Книги — и вошедшие в перечень, и родственные им, но по какой-то причине оставшиеся за его рамками, будучи объединены тематически, а отчасти даже формально, не подбирались поштучно для полемических и апологетических выступлений обличителей. Показательно, что Геннадий и Иосиф Волоцкий редко апеллируют к авторам памятников, охваченных перечнем (если не считать библейских книг), иных они вовсе игнорируют. И наоборот: обличители то и дело прибегают к авторитетам, не охваченным перечнем (Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирий и др.). Иными словами, перечень не является списком рекомендуемой литературы. Напротив, во взаимном притяжении книг интересующей нас партии налицо элемент случайности. Они складываются в группы из нескольких единиц по ряду «первичных» признаков (называю их так, потому что они не предполагают дополнительных разысканий). Среди таких признаков отметим: 1) встречающиеся следы пребывания книг в Литве, 2) частый случай восхождения всех списков к одному протографу, 3) отражение механических утрат протографа, часто приходящихся на начало и конец памятника, 4) потеря этих самых протографов. Каждый из признаков как бы наугад сшивает все (таков последний признак) или по несколько кодексов, но совокупность перекрывающих друг друга швов образует прочное соединение, которое трудно объяснить иначе, как общностью происхождения всей партии. Для реконструкции этой партии, помимо названий из перечня, надлежит учитывать не охваченные им кодексы, переписанные сотрудниками Геннадия, а также рукописные книги из собрания Досифея, настоятеля Соловецкого монастыря. Досифей не участвовал в обличении ереси, перед ним стояли более широкие задачи, связанные с обеспечением монастыря книгами первой необходимости. Однако большинство из книг его собрания копировалось в Новгороде, и прибывшая туда новая партия кодексов, о которой сообщил Геннадий в Послании Иоасафу, сразу попала в поле зрения Досифея.

Библиографический стандарт Древней Руси требовал указывать либо название всей книги, если она обладала относительно устойчивой структурой, либо начальную статью, если описывался сборник. Прочие параметры (формат, имя вкладчика и др.)

⁸ Томеллери В. Заметки о деятельности Геннадиевского кружка // *Russica Romana*. 1999. Т. 6. С. 11–26.

могли опускаться. Перечень Геннадия более всего напоминает реестр манускриптов, изготовленных для Соловецкого монастыря, который приведен во вкладных записях Досифея.⁹ Геннадий тоже маркирует рукописи или по общему названию, или, если он дает заголовок небольшого по объему произведения, переписывавшегося обычно в сборниках, — по первой статье. Каждый номер соответствует отдельному кодексу, исключением являются две библейские книги (№ 9, 10). Получается, что перечень охватывает десять кодексов, комментировать его удобно, начиная именно с книг библейского раздела. Перечень составлялся, когда идея библейского свода еще не успела кристаллизироваться, и части будущей Библии распространялись как самостоятельные книги. Чтобы понять, чем привлекли внимание архиепископа перечисленные им книги и как они могли уберечь владельцев от происков еретиков, нужно учесть следующее. Вообще говоря, поднять тревогу по поводу «жидовствующих» Геннадий с присными имели некоторые основания, зная общую обстановку, сложившуюся тогда в Литовской Руси, откуда предположительно поступили книги. Работа там над совершенствованием славянских переводов Ветхого Завета, сопоставлявшихся с еврейскими оригиналами, в буквальном смысле кипела. На Руси безусловно осуждению подвергались перемены только в тех стихах, которые были наделены христианами пророческим смыслом. Прежде всего, это касалось Псалтири. Напротив, некоторые из явившихся из-за рубежа библейских сборников с толкованиями и даже исправлениями, сделанными по еврейским источникам, не пугали охранителей, по-видимому не видевших в том еретических происков и даже приветствовавших пополнение книжного корпуса. Против еврейского языка они ничего не имели. Играло роль и то, что о существовании некоторых типов библейских сборников русский читатель узнал впервые из этой самой подоспевшей литовской партии книг, так что опасавшимся крамолы просто не с чем было их сравнивать. Только неизлечимые конспирологи могут вообразить, что коварные иудеи Литвы скрыли в этих книгах и контрабандой переправили на Русь свои зловерные мысли. Переходя к комментариям, напомним еще, что книга воспринималась тогда на Руси не только как носитель информации, но и как материальный, причем сакральный артефакт. Вариации в расположении толкований, в конфигурации стандартного текста и даже в формате кодекса травестировали хорошо известный памятник в новый.

Начинаем с № 5 («Пророчества»), который давно уже опознали как популярный у славян библейский сборник — «Толковые Пророки», болгарский перевод, переписанный впервые в 1047 году в том же Новгороде, а потом исчезнувший из круга чтения русских грамотеев. Четыреста лет спустя он вновь объявился в Новгороде — тогда же, когда там началась война с «жидовствующими». На происхождение списков от одного протографа указывает общая для них и давно замеченная механическая ошибка — перестановка фрагмента из Книги Иезекииля. В горячие годы борьбы с ересью кодекс с текстами пророческих книг Библии и их толкованиями закономерным образом оказался самым востребованным из перечисленных Геннадием. Еретиков обвиняли как раз в мизинтерпретации ветхозаветных пророчеств, в списках «Толковых Пророков» читается маргиналия с руководящим указанием: «Сими претися с жиды». Сборником в спешном порядке обзавелся уже в 1488–1489 годах Иосиф Волоцкий, а еще московские книжники, в том числе дьяк Василий Мамырев, в ближайшие годы его копию получил и Досифей. Традиционное объяснение неожиданного успеха сборника, будто бы открытого в закромах владычных палат, представляется менее правдоподобным, чем предположение о его импорте из-за литовского рубежа. Приняв во внимание такой успех, не можем исключить и многократное прохождение книги через русско-литовскую пограничную заставу в разных направлениях. Личиную зависимость между списками, при той их концентрации на коротком промежутке времени, какая имеет место в случае с «Толковыми Пророками», редко удастся выстроить. Неизбежно воз-

⁹ Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). М.; Л., 1962. Т. 18. С. 294–304; Бобров А. Г. К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 27–61.

никают контаминации, особенно, когда речь идет о неустойчивой композиции, вроде цепочек толкований — катен.¹⁰ Под следующим в перечне № 6 («Бытия»), несомненно, разумеется Пятикнижие. К упоминаемому Геннадием несохранившемуся протографу восходит, напрямую или через промежуточные звенья, набор других рукописей, озаглавленных «Книга бытειαкая». Старшей из них является список 1494 года (РГБ, собр. Волоколамского мон., № 8), которым, как считают, пользовался Иосиф Волоцкий. Еще один список относят к собранию Досифея. В южнославянской письменности Пятикнижие не принято было обособлять, что само по себе ограничивает поле, в пределах которого можно искать протограф. В чем же Геннадий усматривал ценность книги? Судя по производным от несохранившегося протографа рукописям, в нем присутствовала довольно обильная правка по еврейским и тюркским источникам.¹¹ В пользу моего толкования ереси «жидовствующих» как продукта фантазии ее обличителей говорит тот факт, что ни один из переписчиков таких рукописей не усомнился в ортодоксальности книги. Они остерегались не еврейского языка, а инфильтрации ереси, определяемой по ими же разработанной симптоматике. Параллели из славянских памятников, связанных с Литвой, указывают маршрут, по которому Пятикнижие принесено было на Русь, и исключают домыслы об очередной находке в книжной казне Новгорода. Пока не поддается спецификации № 7 («Царства»): мне не известна маркированная традиция русских библейских сборников, которые начинались бы с Книг Царств и подходили бы под определение Геннадия. Ясно лишь, что определением «Царства» (возможно, перевод самоназвания оригинала «Тетравасилион», под которым фигурирует эта часть Библии в Иудейском Хронографе и в Индексе) обозначен отдельный кодекс. Идущие следом «Притчи» (№ 8) довольно уверенно возводятся к рукописи, пришедшей из Литовского княжества. Под таким заголовком обычно объединялись библейские книги гномического содержания, куда, конечно, входили и следующие в перечне № 9–10. Наличный материал не позволяет ответить на вопрос, почему идущие под этими номерами книги обособились от включающего их № 8 (единственный случай в перечне). На то, что они являются его органическими элементами, указывают многочисленные аналогии — русские сборники библейских книг тождественного состава XV–XVI веков.¹² Генезис кодекса того образца, какой выделял Геннадий, проясняется постольку, поскольку там читалась Книга монастихов Менаандра («Менаандр»), а инкорпорация ее между текстами Библии случилась в Литовской Руси XV века.¹³ Быть может, именно присутствие в кодексе «Менаандра» обусловило интерес ко всей книге архиепископа, не встречавшего такой составной части сборника в русских списках. Последовательность библейских книг, включенных в сборник типа «Притч», разнится от одной рукописи к другой. В связи с этим стоит, пожалуй, обратить внимание на РНБ, собр. Погодина, № 78, так как здесь на последние позиции вынесены те же разделы, что и в списке, рекламируемом Геннадием. Любопытно, что здесь же сохранилась, хотя и поздняя (1646 года), владельческая запись, свидетельствующая о пребывании кодекса на территории Польско-Литовского государства (в Купятицком монастыре).

Переходим к оставшимся книгам из перечня. № 1 («Селивестр папа Римский») получил сборник, известный как «Диалоги» Псевдо-Кесария и организованный в виде вопросов-ответов, касающихся разнообразных богословских материй, в том числе относящихся к православной догматике. Понятно, почему этот сборник, переведенный в Симеоновской Болгарии, возбудил интерес у Геннадия. Перевод сохранился

¹⁰ Ср.: *Калугин В. В.* Толковые пророчества в восточнославянской и сербской письменности XV–XVI веков // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей Библиотеки Академии наук.* СПб., 2020. Вып. 8. С. 396–430.

¹¹ *Грищенко А. И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века. М., 2018. Протографом не мог быть единственный более ранний список Пятикнижия (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 1).

¹² *Алексеев А. А.* Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002. С. 13–15.

¹³ *Евсеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916. С. 39.

только в русских списках. Списки объединяет общий дефект — утрата первых 36 вопросов-ответов, из-за чего возникло ложное надписание произведения, усвоенного Сильвестру и Антонию Великому. Как показано в исследовании Я. Милтенова, все списки перевода восходят к одному протографу с чертами новгородского диалекта.¹⁴ Поскольку достоверных следов использования «Диалогов» в русской письменности до конца XV века не обнаружено,¹⁵ ясно, что этот протограф представлял собой копию, снятую с кодекса, упоминаемого в перечне. Вывод подкрепляется наличием рукописи с «Диалогами», отправленной в 1489 году лично Иосифу Волоцкому Герасимом Поповкой, самым активным из трудившихся при архиепископе литераторов (РГБ, собр. Волоколамского мон., № 505). Рукописная книга «Селивестр», до сих пор не разысканная, фигурирует в перечне рукописей из собрания Досифея.

Литературной жемчужиной, лежавшей будто бы без движения «в хваленых софийских подвалах» до антиеретической кампании Геннадия, всегда считалась книга из перечня № 2 («Афанасей Александрийский»). За этим обозначением угадывается перевод слов против ариан Афанасия Александрийского, причем освоение славянской письменностью не известного ей ранее памятника начинается как раз с экземпляра, пропагандируемого Геннадием. Туда, судя по копиям, входили и дополнительные статьи, объединенные именем Афанасия. Вообще, его догматико-полемическое наследие высоко ценил архиепископ. По-видимому, именно он, помимо забот о распространении слов против ариан, инициировал перевод «Прения» псевдо-Афанасия с Арием, выполненный кем-то из московских Палеологов совместно с Благовещенским протопопом Феодором. На обеспечение монастырей сборником слов против ариан соратники Геннадия было положено более всего трудов. Самая известная копия, сделанная в 1489 году Дмитрием Герасимовым (РНБ, собр. Погодина, № 968), предназначалась для Кирилло-Белозерского монастыря. Еще два списка изготовил тогда же Тимофей Вениаминов, из них один (РГБ, собр. Волоколамского мон., № 437) попал в обитель Иосифа Волоцкого, а другой (ГИМ, Синодальное собр., № 20) — в Новгородский Вяжицкий монастырь. Сборник был скопирован и для собрания Досифея. В ряде списков воспроизводится находившийся в архетипе памятника колофон Тудора Доксова, сообщающий, что перевод сделан Константином Преславским в начале X века при князе (царе) Симеоне. Кроме того, в рукописи Герасимова Герасим Поповка, его брат и куратор его работы, от своего имени извещает, что копировался кодекс «с старые книги с болгарские» (ср. помету на л. 219 Волоколамской рукописи: «в старом Афанасии писано так»). В славистике, на основании заявлений новгородских книжников, сложилось прочное убеждение, что они держали в руках подлинный фолиант, изготовленный в X веке. Полагаю, что экспертиза двух братьев не может служить решающим аргументом при датировке использованного ими оригинала. Понятно ведь, что данная книжником XV века характеристика этого оригинала основывалась на колофоне Тудора Доксова, который здесь же аккуратно переписан. «Старой» болгарской книгой Герасим Поповка вполне мог наречь любой промежуточный список древнего перевода, где находилась уже копия колофона.

Литературная история древнеболгарского сочинения под № 3 («Слово Козмы прызвитера на новоявляшюся ересь на богумилю») складывалась сходным образом с историей сборника слов Афанасия. В том смысле, что полный текст произведения впервые появляется в книжном обиходе после объявления о нем, сделанного Геннадием. Считалось, что «Беседу» Козмы Пресвитера, как обычно называют его творение, тоже отыскивали среди местных новгородских антиков, спешно готовясь к противоборству с еретиками. Поняв, что «Беседа» обычно переписывалась в составе сборников и что архиепископ обозначил сборник по первой статье, мы узнаем причину его актуальности в XV веке. Сохранился кодекс из собрания Досифея (РНБ, собр. Соловецкого

¹⁴ Милтенов Я. Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София, 2006. С. 72–77.

¹⁵ Отрывок из «Диалогов» (2–3 вопроса-ответы), видимо, отделился от перевода на ранней стадии его бытования (Корогодина М. В. Неизвестный отрывок славянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария // Palaeobulgarica. 2013. Т. 37. № 2. С. 23–33).

мон., № 856/966), который открывается «Беседой» и большая часть которого отведена переводам текстов, отражающих религиозную полемику. Сначала идет перевод «Многосложного свитка», посланного тремя восточными патриархами императору-иконоборцу Феофилу, на который, кстати, ссылался и Иосиф Волоцкий в «Просветителе». Далее следует внушительный блок антилатинских статей. Надежность реконструкции оригинала Геннадия по Соловецкой рукописи обеспечивается следующей заметкой копииста на л. 4 об.: «Книгу сию взял на список владыкы, „Беседа на новоявившуюся ересь“, а писана на харатии, есть ей за пятьсот лет». К сведениям переписчика нужно подходить критически: если в его способностях отличить пергаменный список от бумажного нет оснований сомневаться, то датировка антиграфа, скорее всего, высчитана по сведениям, находящимся в самой «Беседе». Наличие антилатинского комплекса в рукописи Геннадия наводит на мысль, что она попала к нему в руки из Литовского княжества, ибо именно там, по причине близкого соприкосновения с католическим миром, активно формировалось это направление древнерусской литературы. Западнорусским признается по происхождению известный Толстовский сборник антилатинских статей (РНБ, О.п.І.7), который роднит с книгой Геннадия еще и то, что он тоже писан на пергамене в годы, когда этот материал выходил из употребления.

Интересная головоломка возникает при поисках следов рукописи, соответствующей № 12 («Деонисей Ареопагит»). Геннадий, скорее всего, был осведомлен, что сербский перевод XIV века Корпуса Ареопагита довольно широко разошелся по Руси. Зачем же понадобилось его особо пропагандировать? По-видимому, из двух групп русских списков Ареопагита, тождественных по содержанию, но различающихся по форме, Геннадий впервые увидел рукопись из менее распространенной группы, представляющей собой своей структурой точно воспроизводят кодекс, признаваемый оригиналом перевода (РНБ, собр. Гильфердинга, № 46).¹⁶ В понимании архиепископа это была новая книга, отличная от списка Корпуса (РГБ, собр. Румянцева, № 93), относящегося к первой группе и вложенного его бывшим сотрудником Герасимом Поповкой в Пафнутиев Боровский монастырь в 1503 году (к тому времени этот сотрудник успел стать игуменом некоего Богоявленского монастыря, без документальных подтверждений и, скорее всего ошибочно, признаваемого часто Московским). Наш вывод зиждется на том, что рукопись с раритетным вторым типом находилась в собрании Досифея (РНБ, собр. Соловецкого мон., № 115/115), активно копировавшего книги по номенклатуре перечня. Старший список этого типа происходит из Дерманского монастыря (Харьковская научная библиотека, № 819168). Трудно не увидеть тут очередной намек на Литву как поставщика книг для Геннадия. Указание в рукописи Досифея «а писана книга сия с островского Дионисея Ареопагита» (л. 1) вполне может соотноситься не с русскими географическими реалиями, как думали до сих пор, а с литовскими (ср., например, Остров, имение Михаила Гарабурды в Слонимском повете).

Осталось разобраться с самыми сложными для осмысления № 4 и 11. Под последним номером значится «Логика», и никто еще не указал однозначно на ту книгу, к которой можно было бы применить это заглавие. Наиболее приемлемым в качестве кандидатуры выглядит перевод «Диалектики» Иоанна Дамаскина, хотя само по себе сочинение никогда не называлось «Логикой».¹⁷ Однако «Диалектика» сохранилась в большом количестве списков, причем ее неизменно переписывали вкупе с богословскими, грамматическими, герменевтическими и даже магическими статьями. Нередко «Диалектику» предваряло приписанное Иоанну Дамаскину сочинение «О восьми частях слова», а ему, в свою очередь, иногда предшествовало «Лаодикийское послание» и литорея в квадратах. Рукописи с подобным началом могли называться «Книга философская...». Рукописная традиция указанных памятников нуждается в дальнейшем изучении, есть надежда, что сборник, подходящий под указанное в № 11 обозначение и включающий, среди прочего, «Диалектику», еще будет обнаружен. Нельзя умолчать

¹⁶ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987. С. 42–56.

¹⁷ Григоренко А. Ю. «Лаодикийское послание» и его литературное окружение // ТОДРЛ. СПб., 1990. Т. 43. С. 324–329.

также, что некая рукопись «Ивана Дамаскина», утраченная или не найденная, упоминается в списке вкладов Досифея. Важнее всего вот что: обсудив остальные номера в перечне книг, рекомендуемых православным как церковную ограду от еретиков, мы не видим места в таком окружении для не столь уже редких списков «Книги, глаголемой Логика». Применения для этого неудобопонятного западнорусского перевода с еврейского в русской религиозной письменности XV века не находится, а списки его ранее XVII века не известны. Уверен, что тогда именно «Книга, глаголемая Логика», популяризирующая философию перипатетиков, и была воспринята московской книжностью вместе с другими пособиями по словесным наукам. Отождествить книгу, упоминаемую Геннадием, с этим памятником «переводческой школы» Захарии оказывается критически важно только для тех, кто, идя по следу «иудейского заговора», стремится материализовать призрачных «жидовствующих», связав их разрушительную деятельность с конкретными памятниками иудейско-христианской «переводческой школы». Поборники данной концепции предпочитают не замечать контекста, окружающего «Логик» в перечне, потому что, отказавшись от ее отождествления с литовским памятником, они утрачивают единственный аргумент в свою пользу. Другой их аргумент — ссылка на критику, какой подверг Геннадий «Шестокрыл», еще один перевод из «школы» Захарии, не работает. Архиепископ обсуждает какую-то таблицу из «Шестокрыла», откуда не следует, что он читал текст самого перевода. Первая ссылка на «Тайную Тайных», перевод тоже западнорусский, отыскивается лишь в Послании Грозного Курбскому. Даже «Лаодикийское послание», изъятые, как доказал М. Таубе, из «Тайной Тайных», не поддерживает концепцию заговора, потому что изъятие было произведено в Литве.¹⁸ Вопрос о книге, которую подразумевал Геннадий под № 11, до поры до времени остается открытым. Вопреки конспирологическим теориям, русских книжников XV века трудно заподозрить в терпимости по отношению к текстам, в которых они увидели бы угрозу православию.

Прежде чем высказаться по поводу возможного происхождения № 4, т. е. Послания Фотия Борису-Михаилу, стоит чуть расширить поле для наблюдений за счет нескольких кодексов, которые оказались за бортом перечня Геннадия, но, скорее всего, полностью или частично воспроизводят книги из той же партии, какую он рекомендовал для монастырей в Послании Иоасафу. Укажем рукопись РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 710, в которой л. 1–140 переписаны в 1493 году по распоряжению Геннадия, вероятно, специально для обители Сергия (происхождение оставшейся части кодекса требует отдельного исследования). На отмеченных листах читается полный текст Египетского патерика в соединении с приписанными Василию Великому «Словесами» черноризцам и еще несколькими дополнениями. Параллельным списком (или копией указанного) с такой же комбинацией переводных текстов является кодекс РНБ, собр. Соловецкого мон., № 635/693, относящийся к собранию Досифея. К антиграфу идентичного состава восходит первая половина рукописи РГБ, Волоколамское собр., № 657, содержащая один только Египетский патерик и копированная в 1487 году неутомимым Герасимом Поповкой для Иосифа Волоцкого. Сходство с рассмотренными прежде памятниками заключается в том, что протограф Геннадия утрачен, но он явился зачинателем русской традиции. К этому протографу прямо или через посредников восходят имеющиеся списки, по предварительным данным, с протографом их роднят довольно грубые ошибки.¹⁹ Ценность книги в противостоянии с еретиками, отрицавшими иноческий чин, не требует доказательств. С большой долей вероятности к той же партии можно отнести полный южнославянский перевод «Шестоднева» Севериана Гавальского, датируемый обычно XIV веком (оставляем без внимания более ранние переводы фрагментов из сочинения Севериана, одни — в «Шестодневе» Иоанна Экзарха, другие — в рукописи РНБ, Софийское собр., № 1285). В рукописной книге РНБ, собр. Соловецкого мон., № 873/983 памятник занимает первую половину кодек-

¹⁸ Taube M. The «Poem on the Soul» in the «Laodicean Epistle» and the Literature of the Judaizers // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Т. 19. Р. 671–685.

¹⁹ Еремин И. П. К истории древнерусской переводной повести // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 48.

са, причем эта половина входила в собрание Досифея, а переписана была, как следует из пометы на л. 106 об., с оригинала, принадлежавшего Герасиму Поповке («а писана книга сия с Герасимова Шестодневника»). «Шестодневы» служили средневековому человеку пособиями по догматике, а никак не природоведческими энциклопедиями, чем и определяется значение данного перевода для охранителей XV века. Хотя текстологического исследования перевода не существует, есть основания думать, что творение Севериана пришло на Русь тем же путем, что и вся партия книг Геннадия. История его в русской письменности начинается не ранее конца XV века, тогда именно, когда новгородский скрипторий был мобилизован для антиеретической пропаганды. Характерно, что в русских списках, включая список Досифея (л. 1), в самом начале текста пропущено несколько строк — дефект механический, подобный тем, которые мы применили в рассмотренных прежде книгах, и явно восходящий к протографу.

Любопытные выводы можно сделать, обратившись еще к одной рукописи Досифея (РНБ, собр. Соловецкого мон., № 858/968), переписанной по заказу Досифея в 1493 году и содержащей компилятивную Кормчую. В приписке на л. 609 об. — 610, где сообщается об отправке кодекса на Соловки и перечисляются другие высланные туда фолианты, манускрипт ошибочно назван книгой «Крѣмчий душам». Это ошибка симптоматичная, потому что так именовался довольно популярный сборник переводных аскетических произведений и выписок, сложившийся в Болгарии X века. Сборник, с несколько иной комбинацией составляющих его статей, и прежде был известен на Руси, но он фигурировал тогда под другим названием («Книги, глаголемыя Кормчий, рекше правитель душевный»). Судя по всему, исконным является название, которое употребил Досифей. Сходство заглавий, применявшихся для Номоканона и для аскетического сборника, порождало путаницу.²⁰ Можно думать, что Досифей хотел заполучить как раз «Крѣмчий душам» (поскольку в его собрании есть другой Номоканон — РНБ, собр. Соловецкого мон., № 1056/1165), но исполнители не поняли смысл заказа, изготовив вместо того Кормчую-Номоканон. Существенно, что под своим первоначальным названием аскетический сборник, точнее особая его редакция, включен фрагментарно в рукопись РГАДА, собр. Мазурина, № 616. Эту рукопись XVI века, судьба которой, как и судьба ее предшественников, связана с Литвой, в последнее время часто вспоминают, потому что в ней отыскали редкие и очень древние славянские тексты.²¹ Досифей, по-видимому, заинтересовался ее протографом или каким-то старшим по времени аналогом. Перед нами очередной след, ведущий к западному соседу Русского государства. Мы не включаем в наш список южнославянский перевод «Стефанита и Ихнилата», хотя он появляется в русской письменности в те же примерно годы, когда развернулась антиеретическая кампания, и его роднит с книгами Геннадия ряд формальных (происхождение всей традиции от одного исчезнувшего и дефектного протографа) и смысловых признаков (атрибуция Иоанну Дамаскину, вставленные на Руси «приточные» толкования, обличающие еретиков).²² Предыдущие комментарии относились к памятникам, которым отводился в тогдашней практике переписчиков целый кодекс или которые открывали собой отдельный том, в то время как «Стефанит и Ихнилат» переписывался всегда в составе сборников. Отсутствуют и приметы, позволяющие предполагать западнорусское посредничество в доставке текста на Русь.

Задача предложенных комментариев заключалась не в том, чтобы иллюстрировать общеизвестную истину о тесном взаимодействии русской и западнорусской литератур в XV веке, а в том, чтобы восстановить ассортимент книг, полученных Геннадием для укрепления идеологических позиций церкви. Отвлекаясь от обсуждения ереси,

²⁰ Буланин Д. М. «Кормчая книга» и «Книга Кормчий» (Семантика названий двух древнерусских книг) // Русская литература. 2017. № 2. С. 5–18.

²¹ Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. М., 2020. Вып. 3. С. 68–84.

²² Едва ли не к Тимофею Вениаминову относится скрытое тайнописью имя писца «Тимофей» с датой 1482 год, известное нам по позднему, но близкому к архетипу списку «Стефанита и Ихнилата» в РГБ, собр. Гранкова, № 45.

позволю себе все же отметить, что сортировка импортированных в XV–XVI веках произведений и книг по выделенным здесь «первичным» признакам может и в других случаях существенно конкретизировать картину международных связей русской книжной культуры этой эпохи. В качестве примера укажем новую редакцию сборника слов Григория Богослова, которая вытеснила из обихода древнейший перевод и которая восходит к занесенному на Русь и утраченному потом сербскому кодексу. Этот кодекс содержал лишь половину новой редакции, вторая половина так на Руси и не появилась.²³ Сходную картину наблюдаем в судьбе популярнейшей на Руси «Сербской Александрии», все списки которой происходят от одного исчезнувшего протографа. В знаменитых сборниках Ефросина, в одном из которых находится старший список «Сербской Александрии», представлены и другие тексты с похожей предисторией (Сказание об Индийском царстве, Повесть о Дракуле). Аналогичные случаи, касающиеся русской письменности XVI века, хорошо известны (тексты в сборнике Ферапонта Обухова, Хроника Манассии, Житие Саввы Сербского).

Заканчивая комментарии к перечню Геннадия, осмелюсь сформулировать довольно рискованное предположение о происхождении № 4 («Послание Фотея патриарха ко князю Болгарскому»), с которого мы начали свой экскурс и который, как было сказано, нельзя путать с позднейшим переводом Максима Грека. Рукопись начала XV века Румынской Академии наук, № 296 содержит вторую часть южнославянского перевода антиеретической энциклопедии, составленной византийским писателем Евфимием Зигабеном («*Panoplia dogmatica ad Alexium Comnenum*»). В единственном сохранившемся сербском списке второй части находится запись на л. 2а: «Паратитло. Фотиа, патриарха Константина града, от его же къ Михаилу, кнезу болгарскому, послания о святыхъ седмих и вселенскихъ съборах». Сам обещанный заголовком текст в рукописи отсутствует, но едва ли можно сомневаться, что он содержался в протографе рукописи, ибо в греческом подлиннике соответствующая статья — фрагмент Послания, рассказывающий о вселенских соборах (гл. 6–20), сопровождает «*Panoplia*» в качестве приложения.²⁴ Полагаю, что под № 4 Геннадий подразумевал утраченный для нас список «*Panoplia*», в котором, как и в румынской рукописи, «паратитло» было вынесено в начало кодекса, но не ограничивалось заголовком. Значение перевода для русских публицистов вполне прозрачно. Хотя в румынской рукописи, как и в русском переводе XVI века, адресат Послания назван Михаилом, для балканских книжников не было секретом языческое имя царя. Увы, в связи с отсутствием русских списков перевода, приведенные доводы остаются умозрительными.

Резюмируя представленные в статье факты, считаю постулированную в ней идею, что полученная Геннадием партия книг пришла из Литовского княжества, имеющей право на существование. Поставщиком, скорее всего, выступил православный монастырь в Киеве (Печерский?), с которым сотрудничали члены «переводческого кружка» Захарии. Достоин при этом внимания, что русские охранители тщательно фильтровали пришедшие из Литвы книжные поступления. Как явствует из наших комментариев, особенного внимания удостоились южнославянские тексты и переводы, иные из них перенесенные из Болгарии и чудом уцелевшие со времен киевских князей, иные поновее, а иногда старые в слегка обновленной форме. Целая их серия влилась тогда в русскую литературу при литовском посредничестве. Важно осознать, что в русской письменности, по крайней мере до XVI века, не осталось никаких книг со следами религиозного вольнодумства и даже конфессионально нейтральных трудов, продуцировавшихся киевским «переводческим кружком», но не представлявших ценности для русских начетчиков. Отказываясь от модернизации конфликта внутри русской церкви, возникшего при Иване III, мы одновременно получаем драгоценные сведения о спровоцированном этим конфликтом книжном сотрудничестве Новгородa и Литовской Руси.

²³ Буланин Д. М. Мифологические толкования к Словам Григория Богослова и «Шестоднев» Иоанна Экзарха // ТОДРЛ. СПб., 2019. Т. 66. С. 12–59.

²⁴ Цибранска-Костова М. Бележки върху славянския превод на «Паноплия догматика» в BAR Ms. Slav. 296 и неговия преводач // *Palaeobulgarica*. 2017. Т. 41. № 4. С. 3–26.